

Глава 19

— Назад! Быстро назад! — истошно, почти срываясь на визг, закричал Фан У.

Генерал Тянь поднял голову и, увидев небо, усеянное стрелами, вновь ощутил, как только что обретённое спокойствие сменяется леденящим ужасом.

— Щиты!

Он схватил ближайшего солдата, используя его как живой щит, и, выкрикивая приказы, начал отступать.

Опытные воины из армии Силян последовали его примеру, хватая новобранцев Цао, перешедших на их сторону, и прикрываясь ими, словно мешками с песком в человеческий рост.

Предатели не успели опомниться, как их тела пронзили десятки стрел, и они пали жертвами своих новых хозяев.

Фан У, с леденеющим от ужаса скальпом, отступал, обмениваясь короткими взглядами с другими перебежчиками из старого отряда Цао, боясь, что они станут следующими живыми щитами.

Вероятно, потому что новобранцев в первых рядах было достаточно, или потому что силянцы приберегали их для других целей, после первого залпа стрел все, кого выставили вперёд, были новичками. Ни один из старых воинов Цао не пострадал.

Это немного успокоило Фан У и его товарищей.

Генерал Тянь, кое-как укрывшись, увидел подбегающего к нему мужчину, и его лицо помрачнело.

Тот схватил Фан У за шею, словно цыплёнка:

— Что происходит? Ты завёл нас в ловушку Цао?

Фан У, ещё не оправившийся от шока, от такой хватки едва не потерял сознание. К счастью, закалка воина не позволила ему оказаться столь хрупким.

— Завести генерала в ловушку? Я что, сумасшедший? Я сам чуть не погиб!

Генерал Тянь холодно усмехнулся:

— А может, это твой коварный план, чтобы втереться в доверие?

— Если бы это был коварный план, стал бы я кричать, предупреждая об опасности? — Фан У заставил себя успокоиться и собраться с мыслями. — Цао Цао — нелёгкий противник. Иначе как бы он в своё время заставил пострадать генерала Ли?

Видя, что собеседник снова усмехается и усиливает хватку, мужчина поспешно добавил:

— Мы все ошиблись. Этот пожар устроили не перебежчики в городе, это ловушка Цао Цао, чтобы заманить нас сюда.

Тот говорил без умолку, выкладывая свои догадки:

— Теперь я понимаю, что ранение ноги Цао Цао было слишком внезапным. Вероятно, уже тогда он начал готовить этот план.

Услышав главное, генерал Тянь, как бы ни был взбешён, не стал сворачивать шею Фан У.

— Продолжай.

Время поджимало, и Фан У говорил быстро:

— Я сам только недавно это понял. Цао Цао не вносил новобранцев в списки. Мы всё время думали, что он набрал чуть больше тысячи человек. Но на самом деле их могло быть гораздо больше.

Тот говорил полуправду, стараясь повернуть разговор в выгодное для себя русло.

— Тысяча или полторы тысячи... для тех, кто не силён в счёте, разница на глаз незаметна. Цао Цао с самого начала скрыл истинную численность новобранцев, спрятал несколько сотен самых сильных и тайно их обучал.

Генерал Тянь слушал, нахмурившись, и чем дальше, тем больше раздражался. Мужчина, внимательно следивший за его лицом, почувствовал неладное и резко сменил тон:

— Но, генерал, не стоит беспокоиться. Даже если у Цао Цао появилось несколько сотен новобранцев, численное преимущество всё равно на нашей стороне. К тому же, в битвах с Великим наставником он потерял большую часть доспехов и оружия. Даже если он припрятал немного стрел, их количество ограничено. Они не выдержат долгого боя. Как только у них

закончатся стрелы, пусть мы и потеряем часть «расходного материала», что с того?

Говоря о «расходном материале», Фан У бросил взгляд на нескольких съёжившихся новобранцев.

В том беспорядочном обстреле погибло более тридцати из пятисот перебежчиков, в теле каждого из них торчало от одной до десяти стрел.

Генерал Тянь принял объяснения, но недовольство советником не прошло.

— Тогда почему ты не заметил этого раньше? В том залпе, если бы я не среагировал быстро, меня бы уже пронзило стрелой.

Фан У опустил глаза и принялся извиняться, признавая свою глупость и неосмотрительность, но в его глазах мелькнула ненависть.

Хотя генерал Тянь был крайне недоволен Фан У, в его армии были лишь прямолинейные рубаки, лишённые стратегического мышления. Ему ничего не оставалось, как, зажав нос, продолжать держать при себе этого «относительно умного» «стратега» и пользоваться его советами.

В этом разношёрстном отряде военачальник и стратег презирали друг друга, каждый преследовал свои цели, но были вынуждены полагаться друг на друга и продолжать сотрудничество.

По крайней мере, внешне они изображали взаимное уважение.

— Я был неправ, мудрый советник, — генерал протянул свою огромную ладонь и стряхнул пыль с одежды Фан У. — В дальнейших действиях я буду во многом на вас полагаться.

Улыбка Фан У была натянутой, словно у него был запор. Вся его ярость застряла где-то внутри, не находя выхода.

— Это я должен во всём полагаться на генерала.

В уединённом дворе Цао Цао, выслушав доклад подчинённого, повернулся к юноше в тёмно-синем одеянии:

— Как вы и предсказывали, господин, враг, увидев зарево, решил, что произошло нечто

непредвиденное, и поспешил по этой главной дороге. Наши лучники прижали их, заставив укрыться в боковых переулках за стенами, и теперь они не решаются двигаться дальше.

Юноша в тёмно-синем одеянии, сидевший рядом с Цао Цао, был Сюнь Юй.

— Предатель Фан У служил государю много лет и знает, что после похода на Дун Чжо у вас не хватает ни воинов, ни стрел. Он, скорее всего, прикажет силянцам прятаться за стенами, а перебежчиков использует как приманку, чтобы истощить наш запас стрел.

Слово «государь» прозвучало для Цао Цао слаще музыки. Не только из-за самого значения этого слова, но и потому, что произнёс его Сюнь Юй — племянник бывшего Сыкуна Сюнь Шуана, юноша, уже в столь раннем возрасте обладавший выдающимся умом и талантом.

В день их первой встречи Цао Цао, поговорив с Сюнь Юем всего полчаса, воскликнул:

— Это же мой Цзыфан!

Сравнение с Цзыфаном было и лестью, и правдой. Он искренне так считал.

По его мнению, Сюнь Юй был не только дальновидным и проницательным, но и, что редкость, обладал светлым нравом, был благороден и принципиален — именно таким, каких правители больше всего ценят в своих советниках. Обретя такого безупречного помощника, Цао Цао почти забыл о череде неудач, омрачавших его настроение.

Он невольно вспомнил о другом «таланте», который находился в его резиденции.

Мужчина промолчал.

«...»

Всё познаётся в сравнении. Рядом с таким лёгким в общении и сговорчивым советником тот другой, с непредсказуемым характером, превративший окно в своей комнате в тюремную решётку, омрачал хорошее настроение.

Хотя Гу Чжи был не менее проницателен и даже сочетал в себе таланты воина и учёного, но...

Вспомнив о проведённых с ним днях, Цао Цао едва заметно поморщился. Уход того был частью его плана, чтобы сбить врага с толку и заманить его в ловушку. Но когда Гу Чжи действительно ушёл, предупредив лишь Цао Ана и не сказав ему ни слова...

Тот не мог отделаться от подозрения, что с таким непредсказуемым характером Гу Чжи мог

просто забыть о нём и не вернуться.

— Государь притворился, что ранил ногу, чтобы побудить шпионов в городе снова попытаться отравить колодцы, а затем приказал верным воинам изобразить болезнь, чтобы заманить армию Сиян в город...

Спокойный голос вернул мужчину к реальности, заставив отбросить мысли о Гу Чжи.

— Когда сиянцы потерпят несколько поражений, они поймут, что все эти «благоприятные обстоятельства» — часть вашего плана. Тогда их бдительность достигнет предела, — уверенно сказал Сюнь Юй. — Мы можем использовать их страх, заставить их трепетать от каждого шороха и не решаться разделять свои силы. Таким образом, их основные войска окажутся запертыми в городе. А когда генерал Сяхоу расправится с дозорными и подкреплениями за стенами, мы сможем начать «юцзяо» и истреблять врага по частям.

Под «юцзяо» подразумевалось мобильное уничтожение противника. Цао Цао никогда не слышал такого выражения, но интуитивно понял его смысл.

Согласно плану Сюнь Юя, их шансы на победу были велики, но и риск был огромен. На самом деле, ещё в первый день советник объяснил ему все риски и советовал временно отступить. Но у Цао Цао были свои соображения, он был готов пойти на этот риск.

— Нужно вырезать гниль, чтобы на её месте выросла здоровая плоть и болезнь ушла навсегда, — вздохнул Цао Цао.

Ещё в Лункане, когда «Гу Чжи» поднял мятеж среди четырёх тысяч новобранцев и раскрыл заговор военачальника Тао Цяня, тот понял, что в его окружении есть предатели. Тао Цянь не мог так точно знать о его передвижениях. О том, что он отправился набирать войско, знали только его ближайшее окружение и верные воины клана Цао.

Попытка Цянь Сы отравить колодцы лишь подтвердила это. Тот решил одним махом избавиться от предателей и, пойдя на уступки, заманил волков в овчарню. В конце концов, сейчас у него ничего не было — ни земель, ни многочисленных сторонников. Даже если он потерпит поражение, он просто вернётся к тому, с чего начал. Он мог себе это позволить.

Вот только...

— Я думал, что вырезать гниль будет легко, но я и представить не мог, что предателей окажется так много.

Не считая тех, кого Цао Жэнь и Цао Хун увели с собой для набора войск, в округе Хэней оставалось чуть более двухсот воинов. И из этих двухсот сто пять человек предали его — почти половина!

Если бы не гарнизон клана Сяхоу в городе и не те несколько сотен сильных и надёжных новобранцев, которых он отобрал для обороны, он бы проиграл в тот самый момент, когда предатели открыли ворота сиянцам.

Теперь оставалось надеяться, что Цао Жэнь и Цао Хун поскорее наберут войско и придут ему на помощь.

— Донесение! — раздался за дверью тревожный и испуганный крик гонца.

— К городу с запада, со стороны гор, приближается большая армия. Воины в хороших доспехах, похоже, подкрепление сиянцев! По предварительным оценкам, их не меньше тысячи!

Тот изменился в лице и резко встал. Он понял, что та «неожиданность», о которой его предупреждал Сюнь Юй, произошла.

«Тот, кто стоит за этим, прибег к столь подлым уловкам, а значит, у него недостаточно сил, и он не имеет подавляющего преимущества, — несколько дней назад, при тусклом свете свечей, Сюнь Юй излагал ему все за и против. — Единственной переменной может стать вмешательство других армий»

Именно из-за боязни этой переменной, не желая давать закуливному врагу время на поиски подкрепления, Цао Цао и пошёл на риск, затеяв всё это в отсутствие Цао Жэня и его людей. Но неожиданность всё-таки случилась.

— Если бы городские стены были целы, можно было бы держать оборону, но... — нахмурился Сюнь Юй.

Ещё до того, как Лоян был сожжён, уезд Вэнь уже подвергся набегам сиянской армии. Половина стен была разрушена, город был усеян трупами, а выжившие разбежались. Восстановление стен — дело масштабное, у Цао Цао не было ни людей, ни средств на это. В итоге его временная ставка была практически беззащитна. Именно поэтому Сюнь Юй с самого начала советовал «временно отступить».

Тот резко поднял голову, его сердце упало. С теми силами, что у них были, даже противостоять сиянцам в городе было опасно и требовало хитрости. А с приходом ещё тысячи незваных гостей, при таком подавляющем численном превосходстве, как он мог победить?

Неужели на этот раз... он действительно ошибся?

Пока он пребывал в растерянности, в комнату ворвался другой гонец.

— Донесение!

Он резко поднял голову.

— В город вошло более сотни солдат...

Тот слушал его, оцепенев, руки и ноги похолодели. Несколько тысяч сялянских подкреплений вот-вот окружают город. Эта новая сотня врагов — всего лишь щепотка хвороста, брошенная в и так уже пылающий костёр.

Цао Цао уже не питал никаких надежд, но неожиданно второй гонец, тяжело дыша, с радостью и воодушевлением доложил:

— Эта сотня солдат вырезает сялянцев в городе!

«Раз уже истребляют...»

Постойте. Мысли мужчины, застывшие в пустоте, пришли в движение. Он снова встал.

— Кто кого истребляет?

— Новоприбывшие сто с лишним солдат ведут охоту на сялянцев в городе!

Изумление, недоумение, догадка.

Он посмотрел на Сюнь Юя. Тот спокойно смотрел на него и беззвучно произнёс:

«Гу»

Грудь Цао Цао наполнилась коротким, вибрирующим вздохом. Он очнулся и впился взглядом в гонца.

— Кто их возглавляет, ты разглядел?

— Командует ими тот молодой воин по фамилии Гу, которого привёл генерал...

Гу Чжи.

Получив ожидаемый ответ, мужчина испытал смешанные чувства — радость и тревогу. Радость от того, что Гу Чжи проявил благородство и пришёл на помощь в трудную минуту. Тревогу от того, что за стенами ещё более тысячи сялянцев. Сотня воинов Гу Чжи не сможет им долго противостоять и сама по себе не переломит ход битвы.

— Подать коня, — Цао Цао взял свой меч и направился к выходу.

Даже если поражение предрешено, перед бегством он должен забрать с собой как можно больше жизней этих разбойников. Тот, кто посягнул на его жизнь, должен заплатить вдвойне.

<http://bllate.org/book/15998/1501376>